

Ольшанский Д. А. Основы идеологии модернизма // Anthropology.ru : сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/olshansky/modern.html> (дата обращения: 05.09.2009).

Сарабьянов Д. В. Стиль модерн. Истоки. История. Проблемы. М., 1984.

Смирнов Л. Н. Конструктивизм в памятниках архитектуры Свердловской области. Екатеринбург, 2008.

Фрумкина Р. Моисей Гинзбург – теоретик и практик конструктивизма // Троицкий вариант. Наука. 2016. № 204. 17 мая. С. 14 // Газета «Троицкий вариант – Наука» [Электронный ресурс]. URL: <http://trv-science.ru/2016/05/17/moisei-ginzburg/> (дата обращения: 11.06.2017).

Хан-Магомедов С. О. М. Я. Гинзбург. М., 1972.

Хмельницкий Д. Архитектура Сталина. Психология и стиль. М., 2006.

Cathcart A. Moisei Ginzburg's Narkomfin building in Moscow: A Soviet blueprint for collective living // The Guardian. 2015. May 5.

УДК 94(470.54-25).084.3/084.6:2

Е. М. Главацкая, Д. С. Бахарев,
Е. А. Заболотных, Г. Т. Торвальдсен

РЕЛИГИЯ В ЛАНДШАФТЕ
РАННЕСОВЕТСКОГО ГОРОДА:
ИДЕИ, МИФЫ, СМЫСЛЫ
(на примере Екатеринбурга–Свердловска)*

Статья посвящена анализу изменений, произошедших в ландшафте Екатеринбурга–Свердловска в период раннесоветского строительства. Частью социального проекта по модернизации страны, инициированной пришедшими к власти большевиками, было построение общества, свободного от религии. Одним из методов воплощения этого проекта в жизнь стала ликвидация религиозных институтов, являвшихся архитектурными доминантами центральной части города. Достигалось это различными путями – закрытием, утилизацией и физическим уничтожением богослужебных зданий. При этом в 1919–1928 гг. власти предпочитали именно утилизацию, в связи с реальными инфраструктурными проблемами и достаточно высоким

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 15-06-08541а «Религиозное разнообразие евразийского города: статистический и картографический анализ (на примере Екатеринбурга в конце XIX – начале XXI вв.)».

уровнем религиозности населения. Активная кампания по ликвидации знаковых религиозных объектов города, в ходе которой были закрыты практически все религиозные общины, в том числе лютеран, католиков и мусульман, началась с 1929 г. Маркеры некогда развитого религиозного ландшафта Екатеринбурга сохранялись лишь на кладбищах, где продолжала теплиться религиозная жизнь. К 1941 г. в Свердловске осталась одна официально действовавшая православная церковь при кладбище и синагога, которая была единственным религиозным учреждением, действовавшим в исторической части города, поскольку располагалась при микве (бане) – сооружении, вполне встроенном в социально ориентированный план раннесоветского города.

К л ю ч е в ы е с л о в а: история религии, СССР, антирелигиозная политика, религиозный ландшафт, раннесоветский проект, город.

Многочисленные реформаторские инициативы раннесоветского режима коснулись почти всех сторон жизни населения страны. Стремящаяся к радикальному изменению общественного порядка власть особое внимание уделяла модернизации в области культуры и мировоззрения, сталкиваясь здесь с господствующей системой – религией. Если представить революционный процесс, происходивший в России с 1917 г. до конца 1930-х гг. как социальный проект, то в нем совершенно очевидно просматриваются несколько направлений, и построение общества, свободного от религии, – одно из них.

Визуально это ярче всего проявилось в разрушении сети храмов в городах. Согласно сложившемуся в социальной истории подходу по изучению городского пространства как совокупности «культурных ландшафтов»¹ каждый городской ландшафт является источником закодированной информации о жизнедеятельности города [см.: Lewis, p. 11–32; Meining, p. 195–244; Главацкая, 2008, с. 76–82], в том числе и религиозной ситуации. Эта информация может быть «считана» с городского ландшафта. Более того, здания являются ключевыми «словами» при «прочтении» ландшафта, поскольку в них формируется и в них сосредоточена экономическая, социальная и культурная активность [см.: Black, 19–46]. Добавим, что церкви и другие здания, связанные с отправлением религиозного культа, являются репрезентацией религии в городском ландшафте, и анализ динамики его изменения позволяет глубже понять процессы, происходившие в стране не только в период осуществления «советского проекта», но

¹ Имеется в виду подход «cultural landscape».

и прямо противоположного ему по сути «постсоветского проекта», начавшегося в 1990-е гг. Данное исследование посвящено анализу метаморфоз, произошедших с религиозным ландшафтом раннесоветского периода на примере одного из ключевых городов страны – Екатеринбурга.

Реализация проекта построения государства, свободного от религии визуально проявилась в метаморфозах религиозного ландшафта страны, отображающего степень и форму присутствия религии в публичной сфере и повседневной жизни граждан. Число молитвенных зданий в стране постепенно уменьшалось, все больше их переходило в собственность государства, что порождало вопрос об их дальнейшем использовании. Под какие нужды государство приспособляло помещения, которые в глазах современников еще недавно были сакральными? Пыталось ли оно трансформировать (профанировать) эту сакральность, предать забвению или «осквернить»? Детально этот процесс можно проследить на примере изменения религиозного и в первую очередь православного ландшафта в постреволюционном Екатеринбурге-Свердловске, который планомерно уничтожался весь довоенный период и уже в 1941 г. был представлен единственным официально действующим православным храмом.

Объектом исследования является совокупность религиозных институтов, использовавшихся для проведения богослужений, на территории старого Екатеринбурга (включая Верх-Исетский завод). Число и история православных зданий реконструируются по работе Ворошилина [Ворошилин] и электронному ресурсу «Народный каталог православной архитектуры» [СОБОРЫ. РУ]. Для характеристики остальных конфессий привлечена делопроизводственная документация, периодика, сочинения краеведов начала XX в. и милицейские сводки из фондов ГАСО.

Религиозный ландшафт Екатеринбурга сложился в конце XIX в. и характеризовался православным большинством (96 % включая единоверцев и старообрядцев в 1897 г.) и динамичным развитием этноконфессиональных сообществ лютеран, католиков, мусульман и иудеев вплоть до 1914 г. Война и еще более Революция 1917 г. кардинально изменили структуру религиозного ландшафта, повлияли на динамику численности религиозных сообществ Екатеринбурга, их статус и локализацию в городском пространстве.

Отношения советского правительства и религиозных конфессий, особенно крупнейшей из них – Российской православной церкви – пережили несколько знаковых перемен. Первоначальная ленинская позиция, в основе своей подразумевавшая научный материализм как базовую для нового социалистического общества идеологию, не отрицала, однако, значения

религии как института частного – полностью отделенного от государства, но при этом не подверженного его влиянию [Ленин, с. 58–61].

Ожесточение государственно-конфессиональных отношений, ярко проявившееся в годы Гражданской войны, когда значительная часть духовенства не скрывала симпатий к Белому движению, достигло своего пика в 1922 г. в ходе правительственной кампании по изъятию церковных ценностей. В последующие годы острота вопроса немного сгладилась – «новая экономическая политика» сопровождалась так называемым «религиозным НЭПом» – временным снижением административного давления на религию с целью умиротворения населения и снятия социальной напряженности после недавних экономических потрясений [Курляндский, с. 203–204]. Однако уже к концу 1920-х гг. окрепшее советское государство, пережившее смену политической верхушки и взявшее курс на централизацию, поставило задачу окончательно избавиться от главного идеологического соперника – религии. «Религиозный НЭП» был свернут, рядом административных мер была простимулирована антирелигиозная работа на местах, в частности был облегчен порядок закрытия храмов. Лишившиеся львиной доли молитвенных помещений, столкнувшиеся с нарастающей религиозной индифферентностью масс в 1930-е гг., религиозные группы оказались в роли жертв, неспособных к активному сопротивлению. Перепись населения 1937 г., показавшая, что 55 % населения страны старше 15 лет считала себя верующими [Жиромская, с. 330], спровоцировала последнюю вспышку антирелигиозной активности в довоенном СССР. Власти, шокированные этими цифрами, применили все возможные меры к уничтожению религиозных институтов и физическому истреблению духовенства и прихожан.

Проект послереволюционного преобразования общества в области культуры включал в себя кардинальное изменение отношения государства к религиям. Первым шагом правительства в этом направлении стало принятие 18 декабря 1917 г. СНК РСФСР декрета «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» функция регистрации браков перешла к отделам записей браков, церковный брак признавался частным делом граждан [Декрет ВЦИК и СНК...]. Почти полтора года ушло на организацию новой службы по регистрации актов гражданского состояния, при этом многие граждане продолжали венчаться в церкви, а священники продолжали вести записи в метрических книгах. Любопытно, что революционные события практически сразу отразились и на содержании записей в метриках. Вместо традиционного социального статуса (крестьяне, мещане, дворяне) появилось более соответ-

ствующее приметам нового времени «гражданин» [Заболотных, Главацкая]. С октября 1919 г. Центрозагс стал признавать действительными только те церковные браки, которые были заключены до 20 декабря 1917 г., и те документы, которые были выданы религиозными организациями до января 1918 г. Метрические книги были повсеместно изъяты из церквей, мечетей и синагог и переданы в отделы ЗАГС. В начале 1918 г. был принят декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и последовавшее за ним требование закрыть все домовые церкви при учебных учреждениях.

Строжайший учет и контроль, к которому, как известно, призывал идеолог и основатель нового государства В. И. Ленин, касался учета ресурсов, производства и распределения [Цит. по: Гозулов, с. 228–229]. Прежде чем приступить к реализации проекта построения общества свободного от религии, была проведена своеобразная перепись религиозных учреждений. В фондах ГАСО сохранилась переписка по вопросу об исполнении декрета об отделении церкви от государства. Так, 16 марта 1920 г. была разослана телефонограмма с пометкой «срочно» во все уездно-городские и городские исполкомы, которая содержала распоряжение собрать в семидневный срок следующие сведения: 1. Сколько имеется в вашем городе храмов религиозных культов; 2. Общую площадь всех храмов; 3. точное количество всех граждан, заключивших договор пользования храмами всех религиозных культов; 4. Какая фактическая посещаемость всех [обозначенных] храмов [ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 139. Л. 1]. При собирании этих сведений предписывалось «относиться к этому со всей осторожностью войдя в сношение с приходскими советами и т. п., не допуская <...> ненужной огласки». Также власти требовали от исполкомов выяснить, «имеется ли настоятельная необходимость использовать часть храмов, выданных группам граждан тех или иных религиозных культов, для общепользованных целей» и «отношение местного населения к возможности утилизации храмов под общепользованные нужды». За несвоевременное и неточное исполнение распоряжения властей виновных сотрудников исполкомов ждало наказание [Там же. Л. 1 об.]. Претворение Декрета об отделении в жизнь следовало начать немедленно, руководствуясь при этом инструкцией, изложенной в постановлении народного комиссариата юстиции, опубликованной в собрании постановлений и распоряжений от 31 августа 1918 г. № 62. Ст. 685, обратив особое внимание на параграф 16 «Об имуществе, специально не предназначенном для богослужебных целей» [Там же. Л. 2]. В результате проведенного обследования было выявлено, что в Екатеринбургской губернии на 26 апреля

1920 г. имелось 72 храма «всех религиозных культов», общей площадью 9503 кв. сажени. Фактическая посещаемость храмов составляла 79 860 человек. При этом сотрудники исполкомов считали, что сама возможность «утилизации» храмов может вызвать негативные последствия. Заключение было недвусмысленное: «Население большей частью религиозно. Настоятельной надобности к использованию храмов для общепользных целей нет» [Там же. Л. 3 – 3 об.]. В самом Екатеринбурге в 1920 г. было учтено 27 храмов, которые посещало, согласно проведенному учету, более 15 000 человек [Там же. Л. 6] (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Храмы Екатеринбурга, действовавшие в 1920 г.

№ п/п	Наименование ²	Площадь в кв. саженях	Число заключивших договор пользования	Фактическая посещаемость храмов
1	Иоанно-Предтеченская	70	700	около 400 человек
2	Церковь Нуровского приюта	168	40	около 400 человек
3	Старый Златоуст		500	около 800 человек
4	Новый Златоуст	110	не выяснено	более 1000 человек
5	Кафедральный собор	180	800	от 1000 до 1500 человек
6	Екатеринбургского женского монастыря церкви: а) Скорбящей Божьей Матери	20	не выяснено	1
	до 1000 человек			
	б) Тихвинская		до 300 человек	
	в) Всесвятская	9	не служат за ветхостью	

² Названия даются в том виде, как упомянуты в документе.

Продолжение табл. 1

№ п/п	Наименование	Площадь в кв. саженях	Число заключивших договор пользования	Фактическая посещаемость храмов
	г) Александровский собор	180	не выяснено	около 5 000 человек
	д) Введенская	9	домовая	
	е) Федосиевская			
7	Спаская единоверческая	100	394	до 200 человек
8	Крестовоздвиженская	183	5 000	500
9	Кладбищенская	59	1 000	100
10	Вознесенская	100	3 000	500
11	Немецкая кирка	72	5 000	200
12	Еврейская молельня	15	не заключен	100
13	Польский костел	40	2 000	300
14	Екатерининский собор	375	3 000	400
15	Архиерейская	152	60	150
16	Спаская	165	не выяснено	100
17	Симеоновская	194	107	200
18	Австрийская	95	50	100
19	Старообрядческая часовня	55	20	50
20	Рязановская кладбищенская	28	105	250
21	тоже Рязановская	180	не выяснено	

О к о н ч а н и е т а б л. 1

№ п/п	Наименование	Площадь в кв. саженях	Число заключивших договор пользования	Фактическая посещаемость храмов
22	Полковая	81	не выяснено	
23	Церковь	150	2/3 населения	200
24	Успенская	48		500
25	Никольская	40		1 200
26	Нагорная	26		300
27	Единоверческая	24		300

Таблица составлена по: [ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 139. Л. 1].

Материализация идеи

В течение всех 1920-х гг. разворачивался процесс ликвидации домовых церквей при государственных учреждениях и монастырях. За 1919–1928 гг. было так или иначе закрыто 20 молитвенных помещений Российской православной церкви. В девяти случаях бывшие храмы приобрели образовательный профиль: большая их часть до революции находилась при учебных заведениях (гимназиях, училищах, институтах), после указа став либо собственностью, либо резиденцией одного из них. Например, Екатерининская домовая церковь при епархиальном женском училище вместе со всем зданием училища стала корпусом Уральского горного института, а в отдельно стоящем основательном здании Афанасиевской домово́й церкви при Уральском горном училище разместилась простая школа. Кроме того, часть церквей, прежде не имеющих отношения к системе образования, также стали резиденциями ее учреждений, например, храм Вознесения Господня, в 1926 г. переоборудованный в школу. Михайло-Архангельский храм екатеринбургского Тюремного замка, соответственно, стал частью тюрьмы, а Николаевская домовая церковь при Александровской городской богадельне вместе со всем зданием богадельни долгое время использовалась как жилой дом. Существовали и более экзотические варианты.

Так, помещения четырех монастырских церквей в 1920 г. были заняты Екатеринбургским местным военным госпиталем; часовня Преображения Господня при Странноприимном доме Ново-Тихвинского монастыря – продуктовым магазином, Николаевская полковая церковь – резиденцией суда, а Крестовая Богородицкая церковь при Архиерейском доме – клубом милиции (впоследствии школой НКВД). В 1927–1928 гг. Симеоновская и Спасская церкви, а также синагога были переданы под школы, часовня на Хлебном рынке – Здравотделу под «санитарно-гигиеническую лабораторию» [ГАСО. Ф. Р-575. Оп. 1. Д. 22. Л. 32].

В 1928 г. власти впервые решились на физическое уничтожение православной церкви – была взорвана одна из архитектурных доминант городского ландшафта, Свято-Духовская церковь (Малый Златоуст) [Там же]. Таким образом, вектор, которого власти придерживались в 1919–1928 гг. в деле ликвидации визуального присутствия православия в городском ландшафте, можно охарактеризовать как предельно рациональный. Все конфискованные церковные помещения после снятия крестов и куполов и некоторой перестройки были приспособлены под те или иные хозяйственные нужды, что позволяло хотя бы частично решить острые инфраструктурные проблемы, стоящие перед городской властью [Булавин, с. 173–174]. Снос Малого Златоуста стал предвестником новой эпохи демонстративного уничтожения главных религиозных архитектурных доминант, которая наступила в 1929 г.

Развернувшаяся в 1929–1930 гг. антирелигиозная кампания нашла поддержку среди ряда слоев населения, что отчасти объясняет ее успех. Традиционный антиклерикализм низшего партийного звена сочетался с антицерковным настроем рабочих, молодежной эмансипацией и политическим конформизмом основных масс, пусть во многом и остававшихся религиозными [Булавин, с. 174–176]. Особенно ярко эти черты проявились в крупных городах, где практически не было массовых возмущений, прокатившихся по многим сельским и заводским поселениям. Однако, несмотря на наличие широкой поддержки, власти старались не пренебрегать осторожностью. В марте 1930 г. Президиум уральского облисполкома в ответ на жалобы на нарушения, допущенные при закрытии зданий религиозного культа в ходе коллективизации, принял решение, что храм подлежит закрытию лишь при условии «добровольно выраженного подавляющего большинства населения» на общем собрании и только после утверждения Облисполкома. Без разрешения Облисполкома запрещалось применение административных мер, а также изъятие и опечатывание зданий, снятие колоколов и т. д. При этом прокуратура

и суд должны были привлекать должностных лиц и частных граждан, виновных в издевательствах и оскорблении религиозных чувств верующих, к ответственности [ГАСО. Ф. Р-575. Оп. 1. Д. 22. Л. 29].

Но эти меры, служащие предотвращению открытых выступлений верующих, лишь сглаживали генеральную тенденцию на ликвидацию религиозного ландшафта. В первые два месяца 1930 г. были закрыты православные Богоявленский кафедральный собор и Крестовоздвиженская церковь (уже летом собор был взорван ради строительных материалов). После этого по данным административного отдела в городе оставалось 13 действующих религиозных учреждений (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

**Список богослужебных институтов Свердловска,
действовавших в феврале 1930 г.**

№ п/п	Название церкви ³	Конфессия	Адрес	Число членов общины	Примечание
1	Екатерининская церковь	Обновленцы	Ленина (площадь Труда)	113	Возбуждено ходатайство о закрытии
2	Свято-Духовская (Златоуст)	Обновленцы	Угол Мальшева и 8 Марта	125	Возбуждено ходатайство о закрытии
3	Всех-святская (Михайловское кладбище) церковь	Обновленцы	По Шарташской дороге	78	
4	Свято-Троицкая	Старообрядцы	Розы Люксембург, 75	232	
5	Никольская	Старообрядцы	Розы Люксембург, 77	164	
6	Успенский собор	Старообрядцы беспоповцы	Добролюбова, 12	171	

³ Названия даются в том виде, как упомянуты в документе.

О к о н ч а н и е т а б л . 2

№ п/п	Название церкви	Конфессия	Адрес	Число членов общины	Примечание
7	Свято-Троицкая (Рязановская)	Единоверцы	Розы Люксембург	135	Возбуждено ходатайство о закрытии
8	Александро-Невский собор	Григорианцы	Народной Воли	1 082	Возбуждено ходатайство о закрытии
9	Еврейская синагога	Иудеи	Сибирский проспект, 40а	397	
10	Мечеть	Мусульмане	Угол ул. Анто-на Валека и До-призывников, 15/8	480	
11	Никольская	Обновленцы	ВИЗ, ул. Спартака, 19	185	
12	Иоанно-Предтеченская	Григорианцы	кладбище	103	
13	Всех-Святская	Григорианцы	ВИЗ, ул. Нагорная	393	

Таблица составлена по: [ГАСО. Ф. Р-575. Оп. 1. Д. 22. Л. 14].

В течение 1930 г. в рамках секуляризации городского ландшафта были уничтожены главные православные доминанты центральной части Свердловска – Екатерининский горный собор, Богоявленский кафедральный собор и Александро-Невская (Лузинская) церковь. Та же судьба постигла и два Верх-Исетских храма, Всехсвятский и Николаевский. Чуть больше повезло Александро-Невскому собору Ново-Тихвинского монастыря и собору Успения Богородицы, которые были лишь закрыты. В Успенской планировали убрать церковную утварь и открыть кинотеатр [ГАСО. Ф. Р-575. Оп. 1. Д. 22. Л. 18], а менее масштабная Крестовоздвиженская церковь сразу была передана под кинотеатр. Таким образом,

на территории старого Екатеринбурга осталось лишь два объекта Православной Церкви – Иоанно-Предтеченская церковь на Ивановском кладбище и Всехсвятская церковь на Михайловском. Последняя была закрыта в 1941 г., в ходе финального наступления на религию в довоенном Советском Союзе.

Лютеранская церковь св. Петра и Павла прекратила существование еще до весны 1930 г., а ее здание перешло в собственность жилищного фонда города. Католический костел был закрыт в октябре 1929 г. и почти год использовался в качестве театра. В марте 1930 г. Уралоблисполком принял решение и о закрытии костела св. Анны, после этого община распалась. В перестроенном здании сначала находилась детская библиотека, потом его передали в жилищный фонд города [Главацкая, 2015, с. 231].

Институты ислама в Екатеринбурге поддерживались семьями известных купцов Агафуровых и Богатиевых, эмигрировавших после смены власти в России. Городские мектебе и медресе были закрыты в течение 1920-х гг. [Старостин, Главацкая]. Что касается мечети, расположенной в одном из домов купцов Агафуровых по адресу: ул. Студеная, 8 (современная ул. Маршала Жукова), то она, согласно сведениям Облисполкома, действовала по крайней мере до марта 1930 г., после чего была передана под детский сад [ГАСО. Ф. Р-575. Оп. 1. Д. 22. Л. 35]. Позднее здание было снесено.

В этот же период властями систематически предпринимались попытки пресечь иудейскую религиозную традицию. Здания, арендованные городской общиной под синагогу, последовательно закрывались властями одно за другим на протяжении 1917–1929 гг. В результате, в 1929 г. в Екатеринбурге, в котором проживало около 3 500 евреев, более 400 из которых являлись активными членами общины (всего моления посещало более 800 человек), остался функционировать лишь один молельный дом при микве (бане и бассейне для ритуального омовения) [Там же. Ф. Р-854. Оп. 1. Д. 2. Л. 164 об.]. Это здание также было закрыто после типового заявления рабочих в феврале 1930 г. о нехватке общежитий [Там же. Ф. Р-575. Оп. 1. Д. 22. Л. 28], однако уже летом микву вернули верующим, так что она продержалась еще три десятилетия. В 1961 г. здание синагоги было предложено закрыть, в связи с благоустройством поймы реки и сносом бараков [Там же. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 2071. Л. 312], а религиозное общество лишить регистрации [Там же. Ф. Р-88. Оп. 2. Д. 303. Л. 394].

Анализируя второй период закрытия храмов в Свердловске, можно сделать вывод об изменении целеполагания властей. Если в 1920-е гг.

правительство, ликвидируя религиозные объекты, старалось использовать их с максимальной пользой, рассматривая церковь как донора материальных ценностей, то начиная с 1929 г. началось буквальное разрушение храмов, в первую очередь расположенных в центре города. Частично подобную политику может объяснить то, что масштабные приходские церкви в силу архитектурных и коммунальных особенностей с трудом приспособивались под иные нужды. Однако примеры Александро-Невского и Успенского соборов – первый позже был использован под склад, а второй – под хлебозавод – демонстрируют возможность этого пути, не говоря уже о затратах на снос таких капитальных сооружений. Проект создания общества, свободного от религии, был материализован. Внешне это проявилось в том, что власть смогла практически полностью стереть с лица города все религиозные маркеры и любое напоминание о присутствии конкурирующей мировоззренческой системы. Символично, что оставшиеся элементы некогда развитого религиозного ландшафта города оказались расположены на кладбищах, где продолжала теплиться религиозная жизнь. Единственным религиозным учреждением, действовавшим в исторической части города, оставалась синагога, расположенная на Сибирском проспекте. Это исключение, вероятно, было связано с тем, что располагалась она при микве (бане) – сооружении, вполне встроеном в социально ориентированный план реконструкции города.

Булавин М. В. Массовые закрытия храмов на Среднем Урале на рубеже 1920–1930-х гг. // Изв. Урал. гос. ун-та. 2007. № 49. С. 171–180.

Ворошилин С. И. Храмы Екатеринбурга. Екатеринбург 1995.

ГАСО. Ф. Р-88 (Исполнительный комитет Свердловского областного Совета депутатовгрудящихся (Облсполком). 1920–1975 гг. Оп. 2. Д. 303.); Ф. Р-286 (Исполнительный комитет Свердловского городского Совета народных депутатов. [1918]–29.10.1993 гг.); Ф. Р-511 (Отдел управления исполнительного комитета Екатеринбургского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Губотуправ). 1919–1923 гг.); Ф. Р-575 (Административный отдел исполнительного комитета Свердловского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Горадмотдел). 1920–1930 гг.); Ф. Р-854 (Управление милиции по Свердловской области МВД СССР).

Главацкая Е. М. Религиозный ландшафт Урала: феномен, проблемы реконструкции, методы исследования // Урал. ист. вестн. 2008. № 4 (21). С. 76–82.

Главацкая Е. М. «...В весьма изящном, готическом стиле»: история католической традиции на Среднем Урале до середины 1930-х гг. // Государство, Церковь, религия в России и за рубежом. 2015. № 2 (33). С. 218–238.

Гозулов А. И. Переписи населения СССР и капиталистических стран (опыт историко-методологической характеристики производства переписей населения) / ред. акад. С. Г. Струмилина. М., 1936.

Декрет ВЦИК и СНК о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния 18 (31) декабря 1917 г. // Электрон. библиотека ист. факультета МГУ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/EText/DEKRET/17-12-18.htm> (дата обращения: 09.01.2016).

Жиромская В. Б. Отношение населения к религии: по материалам переписи 1937 года // Труды Ин-та рос. истории РАН. 2000. № 2. С. 324–338.

Заболотных Е. А., Главацкая Е. М. «Книга записи сочетания браков между евреями»: новый источник по истории еврейского сообщества Екатеринбурга в начале XX вв. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 16. Екатеринбург, 2016. С. 347–352.

Курляндский И. А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М., 2011.

Ленин В. И. Социализм и религия // В. И. Ленин об атеизме, религии и церкви / общ. ред. А. Ф. Окулова. М., 1980. С. 57–62.

СОБОРЫ. РУ. Народный каталог православной архитектуры [Электронный ресурс]. URL: <http://sobory.ru/> (дата обращения: 01.07.2017).

Старостин А. Н., Главацкая Е. М. Мусульманская община Екатеринбурга во второй половине XIX – начале XX века: численность и институты // Изв. Урал. фед. ун-та. Серия 2: Гуманитарные науки. 2016. № 4(157). С. 244–253.

Black I. S. (Re)reading architectural landscapes // Studying Cultural Landscapes / eds I. Robertson, P. Richards. London, 2003. P. 19–46.

Lewis P. F. Axioms for Reading the Landscape: some guides to the American scene // The Interpretation of Ordinary Landscapes / ed. D. W. Meinig. New York, 1979. P. 11–32.

Meinig D. W. Reading the landscape: An appreciation of W. G. Hoskins and J. B. Jackson // The Interpretation of Ordinary Landscapes / ed. D. W. Meinig. New York, 1979. P. 195–244.